

наследие

«Для решения вопросов градостроительства и архитектуры в таком городе, как Петербург, нужна твердая рука, но в белой перчатке»

К застройке центра Петербурга необходимо подходить мудро и деликатно, а при формировании концепции его развития — учитывать симбиоз различных подходов. Своими взглядами на современную архитектуру, а также мнением по поводу воссоздания колокольни Смольного собора и появления там нового культурного пространства с корреспондентом „Ъ“ Марией Кузнецовой поделился художественный руководитель Александринского театра **Валерий Фокин**.

— интервью —

— Как вы относитесь к появлению объектов современной архитектуры в районах с исторической застройкой?

— Я хорошо к этому отношусь, поскольку осознал, что время движется, общество меняется — и вместе с ним и архитектура. Но с одной очень важной оговоркой, которая вечна и актуальна во все времена: появление таких объектов не должно испортить городской ансамбль. Ансамбль Петербурга — это горизонталь, а не вертикаль, в отличие от Москвы. В отдельных случаях, конечно, появление новых доминант можно приветствовать, но они ни в коем случае не должны помешать историческому облику. Они должны подчеркивать горизонталь.

— Какие из современных зданий, построенных в Петербурге, вам импонируют больше всего?

— На мой взгляд, очень хорошо вписалась новая сцена Александринского театра. Архитектурное решение, при котором современное здание расположено во дворе, считаю весьма удачным. Мне также импонирует «Лакта-центр», и я очень жду, когда он уже будет открыт. Здание расположено за пределами исторической части Петербурга на берегу Финского залива, оно доминирует, его видно издали. Конечно, все предыдущие варианты его размещения были неверны. А сейчас это новая точка притяжения, совершенно не испортившая существующие виды. А ведь сколько по поводу него было битв и споров! Но, безусловно, есть примеры современной архитектуры, не буду их называть, которые «кричат» и мешают пейзажу и ландшафту.

— Что вы думаете о сносе исторических зданий в центральной части Петербурга?

— Это очень тонкий момент. На мой взгляд, в центре города есть здания, с которыми не жалко расстаться, а есть те, с которыми расставаться категорически нельзя. Но я не являюсь в этом специалистом. Для решения вопросов градостроительства и архитектуры в таком городе, как Петербург, нужна твердая рука, но в белой перчатке. Здесь нужно опираться исключительно на

мнение профессионалов, живущих не мотами, а принципами.

— Говорят, что каждый исторический город выбирает свой путь: где-то строительство в центре полностью запрещено, где-то — почти абсолютная свобода. Какой путь, по вашему мнению, подходит Петербургу?

— Я выступаю за мудрую и деликатную застройку центра, когда современное здание возводится с оглядкой на окружение, в какой-то мере подчеркивая его. Категорически не приемлю аргументов инвесторов, которые говорят, что строить можно только лишь на основании того, что новый дом никому не помешает. Еще как помешает, если руководствоваться лишь собственными интересами. Таких примеров много, особенно в Москве. Также не очень удачным, на мой взгляд, является опыт Парижа, где во дворе Лувра была построена стеклянная пирамида. По моему мнению, это слишком наглое и радикальное решение. Но со временем даже к нему все привыкли, хотя поначалу оно вызвало множество споров. Тем не менее я считаю, что это не тот путь, по которому надо идти Петербургу. Мне кажется, что петербургский путь — это не слепое следование примерам каких-то отдельно взятых городов, а все же симбиоз, комбинация.

— То есть вы считаете, что этот путь пока еще не выбран и концепция не сформулирована?

— К сожалению, это так. Концепция пока не сформулирована, однако она тоже должна быть гибкой. Не может быть концепция на все времена. Далеко ходить не нужно: коронавирус сегодня скорректировал вообще все концепции, которые только могут быть. И на архитектуру, наверняка, он тоже каким-то образом повлияет. Потому что культура и общество не могут обойтись без корректировки тех процессов, которые произошли и происходят в мире. Если резюмировать, то концепция развития центра Петербурга должна быть направлена на комбинированное сочетание.

— Кто должен принимать участие в разработке концепции?

— Безусловно, ее подготовкой должны заниматься специалисты, после чего не-

обходимо вынести ее на обсуждение как с городскими властями, так и с активными горожанами. Но нужно быть мудрыми и готовыми к тому, что единого мнения по поводу нее не будет и быть не должно. И это совершенно нормально: народное мнение никогда не бывает одинаковым. Повторюсь: мнение архитекторов и градостроителей здесь должно быть во главе угла.

— Разделяете ли вы мысль, что центр города — для истории, для туристов, а для жизни — все остальное?

— Во-первых, от туристов мы, конечно, никуда не денемся, поскольку Петербург — город туристический. Он таким был, есть и должен быть, приносит благодаря этому доход. С другой стороны, в центре живет много людей, которые к нему привыкли и отсюда никуда не уедут. Я считаю, что в этом смысле нужно уделять внимание содержанию домов, а также решению проблем, связанных с расселением коммунальных квартир.

— Если говорить не о новых зданиях, а о восстановлении разрушенных или несостоявшихся. Вы считаете правильным завершить задумки авторов прошлого?

— Если речь идет о памятниках, заслуживающих серьезного внимания, например,

как колокольня Смольного собора Растрелли, то их надо восстанавливать. Да и не только колокольню — и другие шедевры архитектурной мысли. Они только украсят наш город.

— Чем лично вас привлекает проект воссоздания колокольни?

— Колокольня Смольного собора — это удачная вертикаль, которая подчеркнет горизонтальный пейзаж Петербурга. Уверен, что она будет смотреться красиво с разных сторон: как с набережной, так и со стороны Невы и с прилегающих улиц. Кроме того, я убежден, что здесь можно организовать очень интересное культурное пространство, которое оживит это место, и оно заиграет по-новому. Колокольня сможет сразу его как бы «отцементировать», предоставляя возможности для проведения разного рода акций. Там могут проходить открытые уличные фестивали и выступления: театральные, хоровые, музыкальные. Вообще, я считаю, что наш город — это культурное или, я бы даже сказал, театральное окно в Европу. А архитектура Петербурга — это своего рода театральная декорация. И чем больше таких театральных пространств будет в центре города — тем лучше и для его жителей, и для туристов.

— Как вы относитесь к аргументам активистов, считающих, что проект Растрелли состоялся в том виде, в котором он существует сейчас, и трогать ничего не нужно? Они также часто называют колокольню «очередным новозделом».

— Я это мнение не разделяю, но люди имеют право высказаться. К этому надо относиться спокойно. Кроме того, так называемые новозделы тоже бывают разные: и талантливые, и бездарные. Главным вопросом — как проект будет реализован на практике. Согласен, что есть примеры, когда на месте реконструированного здания возникает новоздел, который заметен невооруженным взглядом. Но есть и качественные проекты — и их тоже много. Что касается того, что проект Растрелли состоялся до конца, так это неправда, поскольку он не был завершен. И этому есть документальные подтверждения. Но переубеждать градозащитников не нужно, поскольку у многих из них присутствует один и тот же мотив: «Мы должны защитить город во что бы то ни стало, и мы не отдадим ни пяди родной земли». И чем больше с ними дискутируешь, тем им больше нравится. Повторюсь: их мнение обязательно нужно выслушивать. Однако, к сожалению, от многих представителей градозащитного сообщества не стоит ожидать гибкости.

Мода на мини

— памятники памятникам —

Создание миниатюр архитектурных шедевров можно назвать самостоятельным направлением в искусстве. Во всем мире популярны парки с уменьшенными копиями зданий, в их числе и знаменитый «Петербург в миниатюре». Кроме этого, в ближайшее время в городе появится памятный знак первому петербургскому храму на Троицкой площади.

Миниатюрные модели получили распространение еще в древности, когда впервые потребовалось объемно-пространственное изображение проектируемого здания. В египетских гробницах в числе предметов культового назначения находили копии домов и храмов, рассказывает Елена Крылова, декан факультета дизайна и рекламы одного из российских вузов. Уменьшенная керамическая модель традиционного жилища древнего Крита была обнаружена на раскопках близ Кносского дворца. Среди археологических находок гомеровского периода есть весьма детально выполненные модели храмов. В Древней Греции макеты из воска или дерева служили для представления архитектурного проекта — об этом свидетельствуют изображения и письменные источники, найденные в монастырях. Миниатюры зданий, судов, карет и других объектов часто фигурируют в живописных шедеврах эпохи Возрождения. На портретах, иконах, фресках разных стран встречаются персонажи с макетами в руках — так символически отмечали видных исторических деятелей или святых покровителей городов.

Ближе к современности создание архитектурных моделей стало мыслиться как отдельный вид творчества, стоящий на стыке декоративно-прикладного искусства и архитек-

Мини-город в Александровском парке Петербурга был открыт в 2011 году. Там собраны бронзовые копии многих городских достопримечательностей в масштабе 1:33

туры. «Такой интерес сформировался в период классицизма и превратился в модное увлечение на рубеже XIX и XX веков. Это связано с новой эпохой в истории зодчества, когда задачу архитектора стали видеть в организации материально-пространственной среды. Изменилось и отношение к макету: он, подобно графике, стал рабочим методом, средством выражения архитектурной мысли, профессиональным языком», — говорит госпожа Крылова.

Парки шедевров

В начале 1920-х годов в Великобритании возник первый в мире парк архитектурных миниатюр — Беконскот. Копии образцовой английской деревни в масштабе 1:12 ради развлечения построил у себя возле дома Роланд Калинингам, бухгалтер-земледелец из деревни Биконсфилд. Через десяток лет слава о необычном музее разлетелась по всей планете, и парк стали посещать туристы, остав-

лявшие щедрые пожертвования на его развитие. После Второй мировой войны подобные парки появились во многих странах мира. Стоят упоминания Маджордам в Гааге, World Park в Пекине, Мини-Израиль недалеко от Иерусалима, Миниатюрк в Стамбуле, «Карта Казахстана „Атамекен“» в Нур-Султане. Широко известен тематический парк «Мини-Европа», открывшийся в 1989 году в Брюсселе. Там на площади в 2,4 га собраны точные копии более 350 архитектурных и исторических памятников из 80 городов 27 европейских стран. Экспонаты выполнены в масштабе 1:25.

Наиболее известные российские парки — это Парк миниатюр архитектурных шедевров России в Калининграде и «Петербург в миниатюре» недалеко от станции метро «Горьковская». Мини-город в Александровском парке Петербурга был открыт в 2011 году. Там собраны бронзовые копии многих городских достопримечательностей в масштабе 1:33, в том числе ансамбля Дворцовой и Сенатской площадей, Петропавловской крепости, Казанского и Исаакиевского соборов. «Парки миниатюр вызывают

большой интерес у туристов и местных жителей, в том числе они заново пробуждают интерес к архитектурным прообразам. Однако, например, между нашими парками и иностранными есть большое отличие. В той же Голландии такие проекты сопровождаются развлекательной программой, а сами миниатюры созданы из материалов, которые требуют особого ухода и эксплуатации. Тогда как мини-город в Александровском парке создан из бронзы и потому долговечен», — говорит Сергей Трофимов, генеральный директор ООО «Архитектурная мастерская Трофимовых», разработавшего архитектурную часть мини-города в Александровском парке.

В целом создание скульптурных композиций позволяет реализовать сложные задачи, например, напоминает о невосполнимых утратах. Так, в городе Маастрихте (Нидерланды) на территории бывшего зоопарка установлен необычный памятник: девочка гладит жирафа, который был одним из последних обитателей этого места, а ров вокруг этой композиции заполнен скульптурами вымерших на земле животных, добавляет господин Трофимов.

Памятный знак в честь первого храма

Среди архитектурных макетов особняком стоят миниатюры утраченных шедевров. Они позволяют получить представление об оригинальном здании, если восстановить его на историческом месте или в исходном размере по тем или иным причинам не получается.

Так, например, в ближайшем будущем по инициативе Фонда содействия восстановлению объектов истории и культуры в Санкт-Петербурге Филипп Грибанов, установивших новые принципы зодчества и утвердивших другое понимание и видение мира. С тех пор все стало другим, а Троице-Петровский собор — это одна из первых построек Петербурга, первый храм нового европейского города России. Люди привыкли к новым формам, в том числе когда посещали этот собор, и таким образом Петр I постепенно приводил подданных к европейскому образу жизни», — заключает господин Шевченко.

основания города, монарх лично руководил ее строительством и в ней же принял титул императора. Храм много раз горел и перестраивался. В начале XX века царская семья вместо деревянной постройки собиралась возвести крупнейший собор Российской империи на 16 тыс. прихожан, однако этим планам не дано было сбыться.

«Сейчас восстановление церкви невозможно, поскольку ее фундамент частично расположен под проезжей частью. Однако петербуржцы должны знать, что это знаковое для нашего города место. Поэтому мы решили увековечить его, поставив акkuratный памятный знак. По рисункам того времени мы знаем, как церковь выглядела в первоначальном варианте, и памятник будет представлять собой ее образ — уменьшенную копию. Его выполнит великий российский скульптор Павел Шевченко. Высота памятника знака составит около трех метров, он будет расположен на гранитном постаменте. В наших планах реализовать проект осенью. Уверен, что он станет новой точкой притяжения и яркой городской достопримечательностью», — поясняет представитель Фонда содействия восстановлению объектов истории и культуры в Санкт-Петербурге Филипп Грибанов.

«Самое важное, что отразит памятный знак, — это образ Петра I, который привез в Россию архитекторов, установивших новые принципы зодчества и утвердивших другое понимание и видение мира. С тех пор все стало другим, а Троице-Петровский собор — это одна из первых построек Петербурга, первый храм нового европейского города России. Люди привыкли к новым формам, в том числе когда посещали этот собор, и таким образом Петр I постепенно приводил подданных к европейскому образу жизни», — заключает господин Шевченко.

Ксения Потапова

Вернуть память месту

— доминанты —

Кроме того, мы воссоздаем облик утраченного максимально точно, а это требует не только огромного количества экспертиз, но и особого подхода к подбору материалов для строительства, подрядчиков. Поскольку этот храм был разрушен в 1975 году, осталось много фотографий тех лет и чертежи, что несколько облегчит нам работу. В этом смысле работа идет немного легче, чем над проектом воссоздания колокольни Смольного монастыря, которым мы сейчас занимаемся. Фотографии во времена Растрелли еще не существовало, но есть оригиналы чертежей и проектной документации», — рассказывает Филипп Грибанов.

Вместе с тем господин Грибанов с сожалением отмечает, что восстановить его на историческом месте невозможно: там частично проходит Синопская набережная. Тем не менее рядом на ближайшем месте располагается пустынная городская парковка, и к руководству города уже подано обращение с просьбой передать этот участок целевым назначением.

«Я уверен, что восстановленный храм оживит эту территорию, подарит Синопской набережной новый открыточный вид, не говоря уже о том, что вернет Петербургу уничтоженный памятник архитектуры», — говорит господин Грибанов.

По мнению историка и градозащитника Александра Кононова, заместителя председателя совета Санкт-Петербургского городского отделения ВООПИИК, эта церковь относится к тем объектам, которые имеют важное не только историческое, но и градостроительное значение. «Убежден, что восстановление этой доминанты необходимо», — считает он.

Мария Кузнецова